

Елена СЕНЯВСКАЯ,
доктор исторических наук, профессор

Русские и поляки в 1944–1945 годах: встреча народов и культур

В середине июля 1944 года войска Красной армии вышли к границе Польши, оккупированной немцами. К этому времени польский народ уже пять лет боролся за своё освобождение. Возглавляли борьбу две армии – подчинявшаяся польскому эмигрантскому правительству в Лондоне Армия Крайова и сформированная под руководством Польской рабочей партии Армия Людова. И та и другая воевали против общего врага – оккупационных сил Германии, но их отличало разное отношение к Советскому Союзу и Красной армии. Под влиянием идеологического и политического соперничества этих двух направлений антифашистского движения польское гражданское население, естественно, волновал вопрос: кем станут для Польши советские войска, вступающие на её территорию, – освободителями или завоевателями? как поведут они себя на польской земле? И надо было решать, сторону какого из двух конкурирующих польских правительств и их вооружённых формирований принять: ведь каждое претендовало на власть в стране после изгнания немцев.

Бойцы и офицеры Красной армии тоже испытывали по отношению к полякам сложные, порой противоречивые чувства. Конечно, это был этнически близкий славянский народ, союзник в противостоянии германцам. Но в то же время в сознании красноармейцев присутствовал и образ буржуазной «панской» Польши, враждебной Советскому государству. Да и отношение к Польше как к союзнику тоже было двойственным... Рабоче-крестьянские «бедняцкие» слои вызывали симпатию, зажиточные и «классово чуждые» – напротив...

Когда два народа непосредственно соприкоснулись, их взаимные ожидания в какой-то мере подтвердились, но что-то в восприятии друг друга изменилось.

Официальная позиция советского руководства в отношении к Польше в связи со вступлением наших войск на её территорию отражена в Постановлении Государственного Комитета Оборона № 6282 от 31 июля 1944 года и в директиве Генерального штаба Красной армии командующим войсками 1, 2, 3-го Белорусского

и 1-го Украинского фронтов от 1 августа 1944 года. В этих документах, в частности, говорилось, что «вступление советских войск в Польшу диктуется исключительно военной необходимостью и не преследует иных целей, кроме как сломить и ликвидировать продолжающееся сопротивление войск противника и помочь польскому народу в деле освобождения его Родины от ига немецко-фашистских оккупантов»¹. Предписывалось «в районах, занятых Красной армией, советов и иных органов советской власти не создавать и советских порядков не вводить»; «исполнению религиозных обрядов не препятствовать, костёлов, церквей и молитвенных домов не трогать»; гарантировать польским гражданам охрану принадлежащей им частной собственности и личных имущественных прав². В постановлении говорилось и о том, что советское военное командование должно «установить дружеские отношения с органами власти, которые будут созданы на освобождённой территории Польским комитетом национального освобождения», при этом «никаких других органов власти, и в том числе органов польского эмигрантского «правительства» в Лондоне, ... не признавать», а их представителей «рассматривать как самозванцев» и «поступать с ними, как с авантюристами»³.

Личный состав советских войск был заблаговременно всесторонне подготовлен к вступлению на территорию Польши. Так, военный совет и политуправление 1-го Белорусского фронта разослали всем политотделам фронта справку, в которой рассказывалось об истории польского государства, его устройстве, политико-экономическом положении, культуре, быте и нравах населения. Вот некоторые темы лекций и бесед для солдат и офицеров: «Задачи личного состава в связи с вступлением Красной армии на территорию Польши», «Победа над германским фашизмом лежит через освобождение народов Европы»,

¹ СССР и Польша: 1941–1945. К истории военного союза. Документы и материалы // Русский архив. Великая Отечественная. СССР и Польша. Т. 14 (3–1). М.: Терра, 1994. С. 333.

² Там же. С. 333–334.

³ Там же.

«Воин Красной армии – представитель самой сильной и культурной армии в мире», «Железная воинская дисциплина и высокая бдительность – залог победы над врагом», «Красная армия выполняет историческую роль – освобождает народы Европы от фашистского рабства»⁴.

Вот как описывает одну из таких лекций писатель-фронтовик Михаил Колосов в автобиографической повести «Три круга войны»:

«– Хочу остановиться на положении в стране, на территории которой мы находимся. Это вам важно знать, ...ибо вы являетесь непосредственными проводниками нашей государственной политики на чужой территории. Положение в Польше, товарищи, сложное...

И он [лектор] рассказал, что в Польше ещё в июле месяце создан Польский комитет национального освобождения – ПКНО. С этим Комитетом Советское правительство заключило соглашение о том, что, как только зона освобождается от военных действий, руководство на этой территории передаётся в руки ПКНО.

– Отсюда наша задача – уважать местные власти Комитета, помогать ему. И быть бдительными: здесь действуют банды террористов, они нападают на комитеты, убивают коммунистов, совершают диверсии и против Красной армии... Как нам вести себя на территории Польши? Как на земле дружественной страны... Без спроса ничего не берите, лес не рубите, местному населению не предлагайте советских денег. Здесь своё государство и свои деньги...

Многое солдатам было непонятно...

– Что же это получается? – возмущённо спрашивали они. – Мы освобождаем их территорию, а лесину не сруби, солому не тронь и даже кувшин молока не купи? А кто нам заплатит за тех солдат, которые полегли здесь?.. И ещё ляжет сколько!..

Майор обернулся к замполиту, улыбнулся снисходительно:

– Везде один и тот же вопрос... Товарищи, всё это надо понимать так: мы используем польскую территорию для преследования врага, чтобы сокрушить его окончательно. Ну, а попутно освобождаем и саму Польшу. Кроме того, с нами бок о бок борется и польская армия, которая с каждым днём наращивает свою мощь...

– Кто сейчас не понял этой сложной обстановки, – добавил замполит, – поймёт со временем. Усвойте одно:

Встреча советских воинов в городе Люблине

должна быть дисциплина! На чужой территории – дисциплина вдвойне! На вас смотрят как на освободителей, как на представителей великого народа – так вы и ведите здесь себя соответственно»⁵.

Командование твёрдо проводило свою линию, утверждая в сознании военнослужащих необходимую модель поведения. Тот же автор вспоминает, как лично составу батальона был зачитан приказ по армии и как комментировал его комбат:

«– Мы на чужой территории, но здесь мы не как завоеватели, а как освободители, мы преследуем врага и освобождаем польский народ от ига гитлеровских оккупантов. Здесь своё государство, здесь свои порядки. Здесь для нас всё чужое, поэтому без разрешения не брать ни палки, ни доски. Деревья рубить категорически запрещается. Для землянок, для дров ищите поваленные, сухие. Лес – это собственность польского народа, и за каждое срубленное дерево нашему государству придётся расплачиваться валютой, золотом. Солома нужна? Будем добывать организованно. Поедет старшина к старосте и скажет ему: «Пан староста, чтобы не стеснять гражданское население, мы остановились в лесу. Солдатам для постелей нужна солома. Не могли бы вы нам помочь?» Только так, дипломатическим путём. Думаю, не откажет. Всякие... шалости в отношении местного населения будут строго наказываться...

В приказе говорилось о том же, о чём сказал комбат, но кроме того, сообщалось, что какой-то ротный старшина украл у поляка овцу для кухни, за что был предан суду военного трибунала.

– Вот это да! – загудели возмущённо бойцы. – За овцу! А он, может, от Сталинграда прошёл и хотел солдат подкормить...».

⁴ Шишов Н.И. В борьбе с фашизмом. 1941–1945 гг. (Интернациональная мощь СССР народам европейских стран). М.: Мысль, 1984. С. 205–206.

⁵ Колосов М. Заграница//Венок славы. Антология художественных произведений о Великой Отечественной войне в 12 тт. Т. 10. М.: Современник, 1986. С. 345–346.

Реакция бойцов была сложной, они долго и возбуждённо обсуждали услышанное. «В конце концов согласились, что вести тут себя надо осторожно, с населением – особенно, но за овцу под трибунал – это уж слишком», а в заключение сделали вывод, что всё это – политика, «а там, где политика, любые средства применяются»⁶.

Во всех частях проводились красноармейские и специальные партийные и комсомольские собрания, на которых принимались решения «вести беспощадную борьбу с мародёрством, своевременно пресекать плохое поведение бойцов по отношению к местному населению»⁷.

Какой же увидели Польшу вступившие на её территорию советские бойцы?

В январе 1945 года военный журналист Дмитрий Дажин писал жене: «Я видел то, как ограбили немцы Польшу. Целые деревни сожжены. Города разрушены. Люди живут бедно. Вокруг пески, пески... Хвойные леса – и опять пески, и снова убогие деревушки. С убогой, обездоленной жизнью. Фашисты тут так же грабили народ, как и у нас в России. Трудовой народ Польши радуется нашему приходу.

– Бардзо добже, что вы пришли, пан-туварищ, – говорят они.

...Поляков немцы мучили не меньше, чем наших людей. Поляки ненавидят фашистов. Многие из них говорят, что они хотели бы быть с нами, воевать вместе... Есть, конечно, и такие, что смотрят исподлобья. Немцы тут вели яркую пропаганду, говорили, что большевики – людоеды и прочее. Вот почему в сёлах люди вначале боятся, а потом ничего, как в родном доме»⁸.

Это противоречивое взаимовосприятие подтверждают и воспоминания поэта-фронтовика Давида Самойлова: «Не могу сказать, что Польша сильно понравилась нам, – писал он. – Тогда в ней не встречалось мне ничего шляхетского и рыцарского. Напротив, всё было мещанским, хуторянским – и понятия, и интересы. Да и на нас в восточной Польше смотрели настороженно и полувраждебно, стараясь содрать с освободителей что только возможно. Впрочем, женщины были утешительно красивы и кокетливы, они пленяли нас обхождением, воркующей речью, где всё вдруг становилось понятно,

и сами пленялись порой грубоватой мужской силой или солдатским мундиром. И бледные отощавшие их прежние поклонники, скрипя зубами, до времени уходили в тень...»⁹.

Непосредственное соприкосновение советских войск с польским населением размывало укоренившиеся взаимные психологические стереотипы. Есть немало свидетельств, отразивших как эти перемены, так и противоречия, связанные с различным индивидуальным опытом контактов с другим народом и личностными взглядами. Приведу выдержки из писем, перлюстрированных военной цензурой, которые относятся к одному времени – концу февраля 1945 года – и месту – позициям 19-й армии 2-го Белорусского фронта. Военнослужащая Лидия Шахпаронова писала: «Польша мне нравится, и народ здесь приветливый. К нам относятся очень хорошо, как к своим освободителям. Они понимают, что если бы не мы, то никогда бы полякам не сбросить ярмо немцев. А немцы здесь действительно были господами. ...Полякам нельзя было жениться, есть масло, мясо, хлеб белый, пить молоко и т.д. Им выдавали немного хлеба из отрубей и черного кофе (суррогаты). Вот и всё. Специальные нюхачи рыскали по домам и узнавали, не едят ли поляки, что им не положено. Перед пацаном-немцем поляк обязан был снимать шапку и кланяться, иначе тот его бил по щечкам. А если бы поляк дал ему сдачи или отпихнул, его бы повесили. Словом, настоящее рабство. Все поляки от старого до малого были работниками у немцев. Потому так поляки и ненавидят немцев, проклинают их. Потому они так хорошо встречают нас»¹⁰.

Совсем иное в письме М.П. Анненковой к подруге (19.02.1945): «...Прошли все польские города (Торн, Бромберг и т.д.), побывали у поляков. Поляки – народ не совсем дружелюбный. Некоторые приветствуют хорошо, а некоторые смотрят косо на нас. Немцев ненавидят они крепко, потому что у них деревни и города все разрушены»¹¹.

Того же мнения Вера Герасимова. «Проезжали деревни, сёла, города, – пишет она родным (23.02.1945). – Дороги хорошие, местами взорваны и побиты при отступлении фрицев... Деревни грязные... Внешний лоск и внутренняя грязь. В городах немного получше одеты, с шиком, видимо, привыкли жить с немцем (от 39 г.), то есть нет здесь уже той приветливости [как в деревнях и сёлах], и мне кажется, что многие в этих городах – это фрицы, замаскированные поляками. Где нас много, они не появляются, своих действий не проявляют, а где идёшь одна, можешь напасть на неприятность»¹².

⁶ Там же. С. 342–343.

⁷ Братство по оружию. М.: Воениздат, 1975. С. 155–156.

⁸ Филлимонова И., Дажин Д. А мы такие молодые... М.: Молодая гвардия, 1985. С. 144, 146.

⁹ Самойлов Д. Люди одного варианта. Из военных записок//Аврора. 1990. № 2. С. 70–71.

¹⁰ Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 76. Л. 92.

¹¹ Там же. Л. 85.

И вот фрагмент ещё одного письма (24.02.1945), в какой-то мере обобщающего отношения советских солдат к населению Польши и других стран освобождаемой Европы. «Проехала Эстонию, Литву, Латвию и Польшу, теперь где-то на границе Германии... – сообщает подруге Галина Ярцева. – Какие города я видела, каких мужчин и женщин. ...Они же смеются над русскими... Да, да! Сволочи... Не люблю никого, кроме СССР, кроме тех народов, кои живут у нас. Не верю ни в какие дружбы с поляками и прочими литовцами!»¹³.

В этих письмах зафиксировано несколько характерных моментов. Представшая советским солдатам жизнь польского населения отличалась от жизни их соотечественников. Здесь констатация относительного богатства городов и бедности польских сёл, унижительность и тягот немецкого оккупационного порядка. И крайняя противоречивость отношения поляков к наступающим советским войскам, в котором есть и приветливость, и настороженность, а порой даже враждебность. Наконец, собственное противоречивое отношение к польскому населению, где и сочувствие, и недоверие к нему, и отторжение как инородного, чуждого, внутренне враждебного. Этот момент был отмечен советской военной цензурой и зафиксирован как «факт непонимания великой освободительной миссии Красной армии»¹⁴ в донесении Политотдела 19-й армии об организации воспитательной работы в войсках в ходе наступления (17.03.1945).

Советские официальные органы тщательно отслеживали реальную ситуацию – поведение собственных войск на польской территории и отношение польского населения к Красной армии – и давали ей объективную оценку. В целом она сводилась к тому, что, как говорилось в докладе политотдела 28-й армии 1-го Белорусского фронта (конец августа 1944 года), «подавляющее большинство населения встречает Красную армию не только лояльно, но и дружелюбно. Сдержанность, наблюдавшаяся в первые дни по отношению к Красной армии, постепенно сменяется пониманием великой освободительной роли, которую выполняет армия Советского Союза». В том же докладе отмечалось: «Многочисленные высказывания поляков в беседах с нашими бойцами и офицерами свидетельствуют о том, что польский народ ждал своего освобождения от немецкого ига

Жители города Белосток преподносят цветы своим освободителям – воинам Красной армии

и все свои надежды возлагал на Красную армию. Поляки заявляют: «Мы могли ждать помощи только от русских, от Советов, и вы пришли»; «Немцы принесли польскому народу полное рабство. И теперь, когда Красная армия освобождает из-под гнёта немецких захватчиков польский народ, мы будем всемерно помогать Красной армии, чтобы как можно скорее разгромить ненавистного врага».

Нередко поляки, обращаясь к воинам Красной армии, говорят: «Спасибо, родные, что освободили нас. Всем, чем только можем, мы будем помогать бить проклятых немцев». «Пришла сильная Красная армия, и мы теперь можем свободно жить»¹⁵.

В официальных документах приводятся многочисленные свидетельства дружественного отношения польского населения к Красной армии. Люди по собственной инициативе ухаживали за ранеными, помогали в быту, снабжали солдат продуктами, предоставляли транспорт для перевозки военных грузов, участвовали в ремонте мостов и дорог. Отмечалось и бережное отношение к памяти погибших советских воинов. Во время молебнов католические священники призывали верующих оказывать помощь Красной армии¹⁶.

Особо подчёркивалось, что «очень многие поляки, желая с оружием в руках бороться против немцев, спрашивают, когда их призовут в польскую армию, которая пользуется у населения большим авторитетом...»¹⁷. Этот факт считался безусловным доказательством лояльного отношения к советским войскам и их союзнику – Войску Польскому. И, конечно, говорил о ненависти поляков к гитлеровским оккупантам и желании отомстить за страдания своего народа. Это зафиксировано практически

¹² Там же. Л. 94.

¹³ Там же. Л. 86.

¹⁴ Там же. Л. 120–121.

¹⁵ СССР и Польша: 1941–1945. К истории военного союза. С. 347–348.

¹⁶ Там же. С. 348.

¹⁷ Там же. С. 350.

во всех документах того времени – как официальных, так и личного характера.

Очень многие поляки интересовались жизнью в Советском Союзе, о чём они долгое время получали одностороннюю и весьма искажённую информацию. «Гражданское население с большим желанием и интересом читает наши газеты и смотрит наши кинофильмы», – говорится в одном из политических донесений¹⁸.

«Сохранилось два кинотеатра, где уже показывают наши фильмы: «Сталинград», «Большая жизнь», «Чапаев», «Весёлые ребята» («Весь свит смиецца»). Все они вызывают исключительный интерес у поляков. Польские девушки поют на улицах наши песни. Особенно полюбилась им песня «С берёз несльшим, невесом, слетает жёлтый лист...». На улицах – ватаги молодёжи. Встречают радушно: зазывают в гости, угощают вином. Везде флаги польские и наши, советские. Прошла сегодня демонстрация, были митинги и богослужение. Ксёндз перед большой толпой благодарил Россию и молился за победу Красной армии»¹⁹, – пишет в своём фронтовом дневнике Дмитрий Дажин (Ченстохов, 19 января 1945 года).

Особенно тепло встречали советские войска жители рабочих городов и районов. Тот же участник событий записал свои впечатления о пребывании в только что освобождённой шахтёрской столице Польши Катовице: «Шахтёры приветствуют своих освободителей, в их честь вывешивают наше знамя, транспаранты с благодарственными надписями. То и дело встречаю наших солдат, по-братски толкующих с жителями шахтёрского города... Они стосковались по труду, по своим шахтам, по миру. И потому так тепло, радушно, дружески трогательно встречают советских воинов,жимают им руки, обнимают, зазывают в гости. В особом почёте у горожан наши танкисты...» (дневник Дмитрия Дажина, 30 января 1945 года)²⁰.

Однако не везде были такие радужные картины. Почти во всех свидетельствах и воспоминаниях есть факты и нелояльного и даже враждебного отношения некоторых поляков к Красной армии. Причём, как правило, в таких случаях прослеживается влияние «классового фактора» и «большой политики». Приведу некоторые примеры из уже цитировавшегося доклада политотдела 28-й армии 1-го Белорусского фронта.

«Имеются определённые лица среди польского населения, которые проявляют сдержанное и даже враждебное отношение к Красной армии. В селе Сухожабры во время сильного дождя хозяева в одном доме грубо заявили нашим бойцам, желавшим укрыться в хате: «Вам в доме делать нечего, можете найти себе сарай и там дожидаться погоды». В другом доме на просьбу дать напиться воды ответили: «Для вас здесь воды нет, можете убираться отсюда»...

Ксёндз села Кременув-Ковецкий неоднократно говорил полякам, чтобы они не помогали и ничего не давали Красной армии: «Пусть Советы поскорее ослабнут, проливая кровь за Польшу. Тогда, после разгрома Германии, Англия и Америка могут быстрее установить в Польше правительство Миколайчика». И не случайно жители этого села не приветствуют и не отвечают на приветствия наших офицеров...

До сего времени во всех деревнях и городах плохо выполняются приказы Военного совета о сдаче населением оружия и радиоаппаратуры... Многие поляки скрывают оружие и радиоприёмники, что является весьма подозрительным и требует срочных мер со стороны командования и политотдела армии»²¹.

Особенно острыми, запутанными в сознании большинства гражданского населения были политические проблемы, связанные с межгосударственными отношениями СССР и Польши, с вопросами о будущих границах, о будущем общественно-политическом устройстве страны.

В том же докладе политотдела 28-й армии отмечалось: «Среди населения существуют самые разнообразные толкования вопросов советско-польских отношений и границ между Польшей и Советским Союзом. Большинство населения, преимущественно средние и бедняцкие слои города и деревни, считают границы 1939 года справедливыми. Зажиточные и часть средней группы населения мечтают о восстановлении прежних границ с Советским Союзом. На них заметно влияние лондонского эмигрантского правительства.

Известная часть населения, особенно старые солдаты, служившие в русской армии, и поляки из бедняцких слоёв высказывают мысли о присоединении Польши к Советскому Союзу. Только в этом они видят гарантии военной безопасности польского народа. Среди этой части населения характерны выражения «наша армия», «наш самолёт» по отношению к Красной армии. Когда им делают замечания, что это не польская, а русская армия, они отвечают: «Это всё равно». В деревне Крыница один поляк, в прошлом солдат русской армии, заявил: «Мы долго жили с русскими, и нас никто не трогал. Мы сно-

¹⁸ Там же. С. 329.

¹⁹ Филимонова И., Дажин Д. Указ. соч. С. 145–146.

²⁰ Там же. С. 147–148.

²¹ СССР и Польша: 1941–1945. К истории военного союза. С. 349.

ва хотим быть вместе, только тогда можно быть сильными». Крестьяне-бедняки в селе Свитер заявили: «Польшу надо присоединить к Советскому Союзу, чтобы потрясти шляхту, иначе всё будет по-старому». Этой части населения мы разъясняем, что Красная армия не вмешивается во внутренние дела Польши, что польский народ сам установит у себя власть...»²².

Но в то же время в аналитическом документе политотдела армии отмечалось, что среди поляков «немало и сторонников лондонского правительства... В населённом пункте Ягодне-Пенки Седлецкого уезда значительная часть населения недовольна приходом Красной армии. Здесь активную работу проводит подпольная националистическая организация «Партизанка», куда входят помещики, зажиточные крестьяне и духовенство. Эта организация поддерживается лондонским правительством. Её члены ведут среди населения агитацию о необходимости восстановления Польши в прежних границах... Организация подбивает местное население на вооружённую борьбу против Красной армии...

В деревне Струсы Седлецкого уезда орудуют члены подпольной организации «Польские пань», преимущественно из реакционно настроенных кулаков. В период немецкой оккупации они помогали немцам расстреливать еврейское население и военнопленных красноармейцев. Эта организация призывает поляков к борьбе с Красной армией, выдвигая программу: «Зачем нам в Польше Красная армия и коммуна? Нас Англия вооружит, тогда мы возьмёмся за Россию. Польша будет великой империей от Балтийского до Чёрного моря».

11 августа в город Венгров приезжал представитель лондонского правительства для установления связи и дачи указаний своим единомышленникам... Ряд офицеров и солдат Армии Крайовой угрожают населению репрессиями за лояльное отношение к Красной армии»²³.

Таким образом, население Польши оказывалось как бы между двух огней. Эту ситуацию, пожалуй, наиболее точно отразила докладная записка Военного совета 47-й армии Военному совету 1-го Белорусского фронта об отношении отрядов Армии Крайовой к Красной армии (30 июля

1944 года). В ней говорилось, что «население тепло относится к частям Красной армии, но в то же время исключительно хорошо относится и к отрядам так называемых польских партизанских частей и подразделений»²⁴.

Да, большинство поляков приветствовали советских солдат как освободителей, высказывали желание и готовность продолжать борьбу с общим врагом – Германией. Особенно искренними были живые человеческие контакты на бытовом уровне. Почти все группы населения, независимо от своих политических пристрастий, проявляли интерес к советским воинам как носителям иной культуры, обычаев, взглядов, образа жизни, бытовых привычек и т. д. И интерес этот был взаимным.

Но значительная часть польского населения воспринимала Красную армию как носителя чужой идеологии и недавнего противника, к которому нужно относиться осторожно. Поэтому не столь уж редки были случаи проявления недружелюбия и актов откровенной враждебности, а порой и прямые столкновения (в первую очередь с отрядами Армии Крайовой), в результате которых Красная армия несла ощутимые потери в личном составе. По неполным данным из недавно рассекреченных архивных документов, с июля 1944-го по май 1945 года от рук «аковцев» погибли тысячи советских военнослужащих²⁵.

Во многих советских источниках того времени – не только в аналитических документах политорганов и материалах контрразведки, но и в солдатских письмах и дневниках – отмечается: «поляки – народ не совсем дружелюбный», «смотрят косо», «вечером опасно показываться на улице», «нельзя ходить по одному...». Причём эта насторожённая и враждебная «освобождаемых братьев-славян» была для советских солдат обидна и непонятна, и они наивно пытались объяснить её тем, что здесь ещё «прячутся фашисты и их прихвостни», действуют «фрицы, замаскированные поляками».

Это понятно – ведь советский солдат с полным правом считал себя освободителем и спасителем чужой страны и её народа от фашистов. Свыше 600 тысяч советских воинов погибли ради того, чтобы жила польская нация и существовало самостоятельное польское государство. Около полутора миллионов наших солдат были ранены и искалечены в боях на польской земле²⁶. Это очень дорогая цена. И сегодня нет оправдания тем, кто ради политической конъюнктуры сносит памятники освободителям и оскверняет мемориальные кладбища. Короткая историческая память и неспособность испытывать благодарность не украшают ни одну нацию и добавляют негативные стереотипы во взаимовосприятие и взаимоотношения двух народов.

²² Там же. С. 349–350.

²³ Там же. С. 350.

²⁴ Там же. С. 330.

²⁵ СССР и Польша: 1941–1945. К истории военного союза. С. 320; Новосёлова Е. Выстрел в спину. Кто воевал в тылу Красной армии, освобождавшей Европу от фашизма? // Российская газета. Столичный выпуск № 41 (6612). 2015. 26 февраля.

²⁶ Гриф секретности снят. Потери Вооружённых Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М.: Воениздат, 1993. С. 325.